

ПЕРВОЕ ИНОСТРАННОЕ СОЧИНЕНИЕ О Е. И. ПУГАЧЕВЕ

Западная Европа не осталась равнодушной к Крестьянской войне, развернувшейся в 1773—1775 гг. в Российской империи: газеты всех европейских стран почти в каждом номере печатали тогда различные материалы, как достоверные, так и фантастические, об огромном восстании на берегах Яика и Волги¹. Оно вызывало внимание в Париже и Лондоне, Берлине и Вене как событие большой важности, чреватое серьезными последствиями для русского правительства. Интерес к восстанию под руководством Е. И. Пугачева не ослабевал в Европе и позже: до 1800 г. было издано 16 сочинений, затрагивавших это событие, а в XIX в. к ним добавилось еще 13, не считая переизданий. В центре всех известий и сочинений оставался Е. И. Пугачев. Руководитель народного восстания привлекал особое внимание западноевропейского общества, ибо, как писал Вольтер, «что бы ни говорили, во главе заговора никогда не может стоять глупец; нужно обладать известными талантами, чтобы прельстить большое количество людей, их объединить, удержать и ими предводительствовать»². Уже в 1775 г. на Западе были изданы три сочинения, которые пытались ответить на вопрос, кем же был в действительности Пугачев, тот человек, которого сам «фернейский отшельник» называл «дьявольским парнем»³.

¹ Об откликах в Западной Европе на Крестьянскую войну 1773—1775 гг. см.: О. Е. Корнилов. Общественное мнение Западной Европы о Пугачевском бунте. «Анналы». Вып. III. 1923; Г. Блок. Пушкин в работе над историческими источниками. М.-Л. 1949; В. В. Мавродин. Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Т. 1. Л. 1961; М. М. Фрейденберг. Новая публикация о Пугачевском восстании. «История СССР», 1965, № 1; «Крестьянская война в России в 1773—1775 годах». Т. 3. Л. 1970; И. С. Шаркова. «La Gazette de France» о Крестьянской войне в России под руководством Е. И. Пугачева. Сборник «Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения». М. 1974; В. Н. Сутнер. New Material on the Revolt of Pugachev. «The Slavonic and East European Review». Vol. 7, 1928, №№ 19—20; J. T. Alexander. Western Views of the Pugachov Rebellion. «The Slavonic and East European Review». Vol. XLVIII, 1970, № 113.

² «Journal historique et politique des principaux évènements des différentes cours de l'Europe». Genève. 10.III.1775.

³ Вольтер — Екатерине II. Ферне, 16.XII. 1774 г. (Voltaire. Correspondence. Ed.

Первой среди этих сочинений была анонимная книга, напечатанная в Лондоне или Амстердаме⁴. — «Ложный Петр III, или жизнь и приключения бунтовщика Емельяна Пугачева. С русского оригинала г-на Ф. С. Г. В. Д. Б. С. портретом самозванца, историческими и политическими примечаниями»⁵. Она появилась в продаже в конце сентября — начале октября 1775 г.⁶ и приобрела необычайную популярность за границей и в России. В 1776 г. последовал перевод этой книги на немецкий язык⁷, в 1809 г. вышли

by Th. Besterman. Vol. LXXXIX. Genève. 1963, № 18130).

⁴ «Псевдопереводы с русского. По материалам императорской Публичной библиотеки». «Русский архив». М. 1866, стр. 207.

⁵ «Le faux Pierre III ou la vie et les aventures du rebelle Jemeljan Pugatschew. D'après l'original Russe de Mr. F.S.G.W.D.B. Avec le portrait de l'imposteur, et notes historiques et politiques. L. 1775. Двумя другими появившимися в 1775 г. книгами о Крестьянской войне в России были: немецкая брошюра «Правдивое известие о предательствах и опустошениях Емельки Пугачева, а также описание его казни» («Zuverlässige Nachricht von der Verrätherey und den Verwüstungen des Jemelka Pugatschew nebst einer Beschreibung seiner Hinrichtung». Schwabach. 1775) и заметки английского путешественника Н. Раксолла, побывавшего в Петербурге и собравшего там сведения о восстании (N. W. Raxall. Cursory Remarks Made in a Tour Through Some of the Northern Parts of Europe, Particularly Copenhagen, Stockholm and Petersburg. L. 1775). К немецкой брошюре, явившейся переводом русских официальных документов о восстании, в частности «Описания происхождения дел и сокрушения злодея, бунтовщика и самозванца Емельки Пугачева», приложен вымышленный портрет Пугачева, изображавший его в феске и с длинными запорожскими усами.

⁶ Книга названа в списке книг, купленных А. Б. Куракиным в Лейдене; список был приложен к письму от 4 (15) октября 1775 г. («Архив князя Ф. А. Куракина». Кн. 8. Саратов. 1899). Место покупки — Лейден может служить косвенным доказательством вероятности издания ее в Голландии, а не в Англии. Кроме того, время покупки дает возможность утверждать, что немецкая брошюра была издана позже «Ложного Петра»: упоминание в «Правдивом известии...» указа о переименовании Яика в Урал («Zuverlässige Nachricht...», S. 18) свидетельствует о том, что она могла выйти в свет лишь в декабре 1775 года.

⁷ «Leben und Abentheuer des berühmten Rebellen Jemeljan Pugatschew welcher sich in dem südlichen Russland für Peter III. ausgab. Nach dem Russischen Original des Hrn. F.S.G.W.D.B. in das Französische und aus diesem in das Deutsche übersetzt». L. 1776.

в свет два издания — русский перевод в Москве и сокращенный пересказ в Париже под заглавием «История Пугачева»⁸, а в Италии книга появилась в одном из сборников в серии «Библиотека назидательного и приятного чтения»⁹.

Написанная в форме романа (автор сам говорит об этом в одном из примечаний)¹⁰, книга содержит фантастическую биографию Е. И. Пугачева¹¹, в которой неизвестный сочинитель попытался объяснить западноевропейскому читателю, почему и в силу

Портрет Пугачева, находящийся во французском издании на форзаце, здесь помещен на титульном листе в уменьшенном виде; эпиграф отсутствует; сокращены и опущены некоторые примечания, имеющиеся во французском издании; есть расхождения с французским текстом в транскрипции русских географических названий. Кроме того, в немецком издании в приложении даются переводы выдержек из некоторых указов Екатерины II и «Описания происхождения дел и сокрушения злодея, бунтовщика и самозванца Емельки Пугачева».

⁸ «Adelaide Hordé, élève du Conservatoire. Histoire de Pugatschew». P. 1809.

⁹ Под заглавием французского издания 1775 г. (Torino. 1831).

¹⁰ «Le faux Pierre III...», p. 147. Интересен литературный прием книги: поданная западному читателю как перевод с русского, она сопровождается примечаниями, с одной стороны, русского автора, с другой — якобы французского переводчика, в которых даются фактические справки по истории, географии, этнографии России и европейских стран, а также ведутся споры между этими лицами о рабстве и свободе, самозванстве, религии и по другим вопросам. Но стиль основного текста, заметок «русского автора» и «французского переводчика» однороден, и это позволяет предполагать, что книга написана одним человеком.

¹¹ А. С. Пушкин, знавший книгу только в русском переводе, резко отозвался о ней, назвав «глупым» романом (сборник «Пушкин и его современники». Материалы и исследования. Вып. IX—X. СПб. 1910, стр. 10). Это высказывание повлияло на дальнейших исследователей, упоминавших в своих обзорах французскую книгу о Пугачеве; см.: О. Е. Корнилович. Указ. соч., стр. 155; Г. Блок. Указ. соч., стр. 82—89; В. В. Мавродин. Указ. соч., стр. 268—270. С такой оценкой не согласился Н. П. Смирнов-Сокольский (Н. П. Смирнов-Сокольский. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М. 1962, стр. 354—359), после чего такого же мнения, хотя и с оговорками, стал придерживаться И. Г. Рознер (И. Г. Рознер. Казачество в Крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева. Сборник «Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков...», стр. 112). О романе см. также: W. Günzger o. d. Der erste Roman über Emljan Pugačev. «Zeitschrift für Slawistik». Bd. III. Hf. 5. B. 1958, S. 711—716.

каких обстоятельств простой казак¹² встал во главе многих тысяч восставших против самодержавной власти, приняв имя императора Петра III: всем содержанием книги автор стремится доказать, что главной побудительной силой, заставившей Пугачева встать на этот путь, было его неуклонное и постоянное стремление к свободе, к освобождению от оков рабства. «Наиболее же заставило его роптать на власть,— пишет автор,— то унижение, в котором видел он собратий своих, приведенных такими же казаками, в которых не сознавал он (или не хотел сознавать) никакого преимущества, могущего им дать право властительства. Его мятежный дух с ужасом отвергал идею рабства, которому чувствовал себя принужденным повиноваться, и Пугачев, воспитанный с правилами самой строгой и рабской подчиненности, дышал только независимостью и свободой»¹³.

По характеру известий, помещенных в романе, его можно разделить как бы на две части: первая — история Е. И. Пугачева до Крестьянской войны (2/3 текста); вторая — Е. И. Пугачев во время восстания. Первая часть почти полностью фантастична. В ней действуют выдуманные и имеющие иногда странные имена герои (близкий друг Пугачева француз Боапре, предводитель разбойников Скорондоно, возлюбленная Пугачева мордовская девушка Марвеля и т. д.), да и сам будущий предводитель крестьянского восстания путешествует по Европе с целью изучения «людей, нравов и обыкновений народов, политики, войны, коммерции, и бесплодно пытаясь найти свободу и истинных людей-героев», под именем итальянского графа Занарди¹⁴. Но, излагая вымышленную биографию Пугачева, автор, скрываясь за инициалами F. S. G. W. D. B., высказывает собственные взгляды на окружающую его европейскую действительность, дает ей оценку, рисует картины

¹² Нельзя согласиться с тем мнением, что в глазах французского автора Пугачев был сыном знатного вельможи Измайлова. В действительности в романе неоднократно подчеркивается, что Пугачев, как и его отец, был простым казаком, «которому счастье отказало в некоторых дарах своих, как то в богатстве и знатном имени» («Le faux Pierre III...», p. 293), и отмечается при этом, что «много рассказывают глупостей о том, в чем он признавался под пыткой о его родословной» (ibid., p. 287).

¹³ Ibid., p. 23.

¹⁴ Реально существовавшие лица второй половины XVIII в. действуют в романе анонимно, «чтобы не дать возможности себя скомпрометировать» (ibid., p. XV).

ну общества, основанного на иных законах, чем существующие: характерными чертами этого нового общества являются свобода, всеобщее равенство, свобода вероисповедания¹⁵. И в этой части вымысел тонко переплетается с действительными фактами из жизни Пугачева (например, его участие в осаде Бендер, нахождение в раскольниках центре Ветке и Добрянском форпосте, заключение в Симбирске в 1772 г., бегство из Казанского острога и т. д.), и в ее основе лежат сведения, почерпнутые автором, с одной стороны, из западноевропейской прессы того времени, с другой — из официальных документов русского правительства, с которыми неизвестный сочинитель, безусловно, был знаком¹⁶.

Вторая часть «Ложного Петра III» посвящена событиям Крестьянской войны и содержит удивительно точные сведения о восстании, особенно если принять во внимание, что роман написан через полгода после казни ее вождя. Таковы данные о числе восставших и их составе¹⁷, территории восстания, путях следования пугачевских войск, пленении Пугачева у Черного Яра¹⁸. Верны сведения о действиях царских войск,

брошенных на подавление движения, причем имена руководителей правительственных отрядов, приведенные как анонимные (одними буквами): Кар, Бибилов, Петр Панин, Михельсон и др., — могли быть легко поняты современниками. В этом первом сочинении о восстании 1773—1775 гг. Е. И. Пугачев выступает как герой, что подчеркнуто уже эпиграфом на титульном листе: «Преступление, равно как и добродетель, имеет своих героев», — причем преступлением было не участие в войске восставших, а «упорное мятежничество против самодержавной власти», душившей всякую свободу; именно это, как считает автор, дает право поставить Пугачева в один ряд с другими героями «добродетели» — французским королем Генрихом IV, «творцом русских и законодателем России» Петром I, Кромвелем, великими полководцами — Тюренном, Конде, Евгением Савойским и другими. Знание русской истории, точность в изложении событий Семилетней и русско-турецких войн, придворной жизни, географии России и даже ее окраин, верность французской транскрипции в передаче русских имен и географических названий¹⁹, большая осведомленность о ходе восстания заставляют думать, что автором книги был соотечественник или иностранец, бывавший в России и хорошо знавший страну и ее язык.

Сочинение имеет антикатерининскую направленность²⁰. При этом оно проникнуто глубоким уважением к России. Мужество и героизм, проявленные русскими людьми как в русско-турецкой войне 1768—1774 гг., так и во время Крестьянской войны, восхищают автора, а П. А. Румянцев в предисловии к книге поставлен в ряд героев-полководцев всех времен и народов.

Изложенная в романе социально-политическая программа автора, его взгляды на

¹⁵ Ibid., pp. 64—73.

¹⁶ Например, манифесты Екатерины II от 23.XII.1773 г., 9.I.1775 г. об окончании восстания; «сентенцию, которая осуждает его (Пугачева.— И. Ш.) на последнюю казнь»; «описание происхождения дел...»; некоторые допросы захваченных участников восстания (ibid., pp. 212, 287, 290). Насколько нам известно, ни «сентенция», ни «описание происхождения дел», ни тем более допросы в европейской прессе напечатаны не были, а их использование в романе свидетельствует о хорошей осведомленности автора.

¹⁷ «Со всех сторон под его знамена шли дворяне, офицеры, крестьяне, рабочие рудников, узники, бежавшие из Сибири, — все вплоть до части самого духовенства стремились идти служить тому, кто был, как они верили искренне или притворно, императором Петром III... Около 100 тыс. человек, из которых около 30 тыс. были регулярные войска, были под его командованием» (ibid., p. 252).

¹⁸ Характерно замечание автора, что только обещанная награда в 100 тыс. руб. помогла пленению Пугачева: «Между прочим, здесь можно заметить, что сколь бы искусны ни были генералы, уже отличившиеся как в сыске бунтовщиков, так и в сражениях с неприятелем, с каким бы успехом ни достигли они своей цели к их рассеянию, к утишению пламени возмущения, но все же Пугачев успел бы спастись, если б только награждение ста тысяч рублей не послужило сильным побуждением к измене и для тех, на верность коих он особенно мог полагаться» (ibid., p. 266),

¹⁹ Многих отмеченных О. Е. Корнилович и Г. Блоком ошибок в действительности не было: французский автор не утверждал, что Азов находится в Крыму (между этими названиями в тексте стоит союз «и»), каналом были соединены лишь Волга и Дон (в тексте Танаис); транскрипция имени Григория Отрепьева также правильна, неверное же написание дается среди разночтений, встречающихся в западноевропейской литературе. Кроме того, ошибки, отсутствующие в оригинале, вкрались в русский перевод романа: например, р. Сож в переводе названа Соа, Донец — Данков и т. д.

²⁰ Незвестный сочинитель считает, что во время правления Екатерины II «свобода была изгнана» из России, и эти слова он вкладывает в уста Пугачева («Le faux Pierre III...», p. 189).

государство, собственность, религию, воспитание и пр. близки к взглядам Жан-Жака Руссо. Трудно сказать, был ли неизвестный сочинитель его последователем или противником, ибо эти принципы вложены в уста «разбойника» (!). Но можно утверждать, что именно этим объяснялась популярность «Ложного Петра III» в Западной Европе, ибо книга явилась составной частью антифеодальной литературы эпохи Просвещения, идейно подготовившей Французскую буржуазную революцию 1789—1794 гг., — недаром же сочинение было издано анонимно и за пределами Франции!

В 1809 г. книга вышла в Москве на русском языке под названием «Ложный Петр III, или жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельки Пугачева. Москва, в вольной типографии Федора Любима». Этот текст — не точный перевод (указание на перевод отсутствует), а скорее вольный пересказ, иногда далекий от французского оригинала. Книга разделена на две части, каждой из которых предпослан эпиграф из произведений Г. Р. Державина. К ней приложен тот же портрет, что и во французском издании, но на нем имеется надпись: «Я к ужасу привык, злодейством разъярен. Наполнен варварством и кровью обогрен» (А. П. Сумароков); в конце приведены правительственные документы и список жертв восстания. Вероятно, по цензурным соображениям, автор русского текста С. Ф. Переплетчиков²¹ изменил заглавие и полностью переработал предисловие, в котором Е. И. Пугачев выступает уже в самом непривлекательном виде. Отсутствуют также многие примечания политического и антирелигиозного характера²².

Но и в русском варианте «Ложного Пет-

²¹ У него был куплен за 300 руб. книгопродавцами Иниховым и Бузуновым «рукописный манускрипт сея книги, пропущенный уже Цензурным комитетом» («Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее П. И. Шукина». Ч. 7. М. 1900, стр. 343). Предполагается, что перевод был сделан с немецкого издания («Описание дел Архива министерства народного просвещения». Т. II. Пг. 1921, стр. 136).

²² Так, выброшены все примечания, в которых Екатерина II характеризуется как узурпаторша престола и критикуется ее лживое милосердие, проявленное к Пугачеву во время казни, а также примечания о самозванцах, о героизме восставших. Отсутствуют и знаменательные слова автора о религии: «О! Религия, какая ты святая и хорошая, но сколько преступлений и вреда заставляешь ты совершать!» («Le faux Pierre III...», p. 214).

ра III» «неизвестный автор старается всячески сделать поступки известного злодея извинительными, оправдывает его во многих случаях, придает характеру изверга нечто геройское. Рассказывает о нем небылицы, бранит духовенство и правление» — так писал в том же 1809 г. рецензент журнала «Цветник»²³. Александр I, которому роман попал в руки в конце 1810 г., также усмотрел, что книга по содержанию некоторых статей может иметь «неприятные действия над читателями», и был удивлен, что она была допущена к продаже²⁴. От цензора, профессора Московского университета Н. Ф. Кошанского, давшего разрешение на печатание рукописи, было потребовано объяснение. В последнем тот доносил, что «в свое время он исключил из рукописи «Петр III» некоторые места, от чего порядок нарушился и связь книги потерялась: остались только высочайшие указы и при них смесь нелепых разбойнических и романических происшествий». Но так как 21-й пункт цензурного устава запрещал всякое пристрастное толкование сочинений и, наоборот, повелевал «истолковывать оные выгоднейшим для сочинителя образом», то «он не мог оставшихся и самых нелепостей не толковать в пользу сочинителя и не мог больше найти никакой причины для задержания и запрещения сей оставшейся смеси нескладных происшествий». Такое объяснение было расценено министром просвещения А. К. Разумовским как «дерзость»; Н. Ф. Кошанскому был объявлен «строжайший выговор за вымудренное и кривое толкование пунктов устава о цензуре», а также замечено, что при таком образе мыслей он «не может быть терпим в университете, если не переменился»²⁵.

По указанию императора продажа книги была запрещена, о чем доносил 12 января 1811 г. министр полиции А. Д. Балашов, а цензурному комитету было предписано, «дабы отнюдь не давал вновь к печатанию оной [разрешения] буде бы кто сего требовал» и чтобы была соблюдена «вся возможная осторожность в разсуждении выпу-

²³ Цит. по: Н. П. Смирнов-Соколовский. Указ. соч., стр. 356—357.

²⁴ Высочайшее повеление о запрещении продажи напечатанной в Москве в 1809 г. книги «Ложный Петр III, или жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельки Пугачева...» («Описание дел Архива министерства народного просвещения». Т. II, стр. 135).

²⁵ Там же, стр. 119, 135.

ска в публику подобных книг»²⁶. Но принятая мера оказалась запоздалой: у 13 московских книгопродавцев было конфисковано лишь 39 экземпляров из 1 800 напечатанных (и это несмотря на высокую цену книги — 6 руб.), что говорит о большой популярности издания. У владельца типографии Федора Любия после многократных напоминаний и с помощью пристава лишь в марте была изъята рукопись перевода²⁷. Такова была судьба в России этого первого иностранного сочинения о Крестьянской войне, явившегося одновременно и первой книгой о Е. И. Пугачеве, изданной на русском языке.

Иностранные сочинения о Крестьянской войне 1773—1775 гг. в России следует рассматривать отнюдь не только с точки зре-

ния «развесистой клюквы», в них сообщаемой (ведь здесь сказывались и отдаленность от места событий, и особенно то, что сведения о восстании тщательно скрывались от общественного мнения не только Западной Европы, но и России), а в связи с отбором определенных фактов и тенденциями самого отбора. Отвлекаясь от вымышленной биографии Е. И. Пугачева, можно утверждать, что в книге «Le faux Pierre III» он был представлен западноевропейскому обществу как борец за справедливость, участники же восстания приравнивались по своему героизму к солдатам в русско-турецкой войне. С такой трактовкой руководителя Крестьянской войны и его сподвижников было знакомо и русское общество, о чем свидетельствует большое количество экземпляров французского и немецкого издания «Ложного Петра III» в библиотеках СССР, причем история русского перевода сочинения показывает, что даже «романизированный» Пугачев казался опасным царскому правительству.

И. С. Шаркова

²⁶ Копию с дела о запрещении книг «Ложный Петр III, или жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельки Пугачева...» и «Анекдоты о Пугачеве» 1811 г. см.: «Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее П. И. Шукина». Ч. 7, стр. 340—341.

²⁷ Там же, стр. 343—344.